

# Глава XI. Начало партизанской войны

Распространив идею о всеобщем восстании во всей волости, Махно и его товарищи решили перейти к действиям и преодолеть первый шаг, заняв Гуляй-Поле, определенное как центр восстания. 22 сентября 1918 г. Нестор и его друзья по гуляйпольской анархистской группе – Алексей Марченко, Семен Каретник, Петя Лютый, Андрей Семенюта (последний брат Прокопа и Александра, пионеров группы), некто Фома Рябко, прибывший из других мест, и семеро крестьян из сел Терновка и Васильевка начали свою одиссею.

Группа находилась на расстоянии 90 км от Гуляй-Поля и рассчитывала преодолеть его за девять часов. Нестор, переодетый в форму капитана варты, сидел на тачанке<sup>531</sup>, на которой был установлен пулемет максим; за ним на конях следовали его спутники, вооруженные винтовками; вскоре они встретили настоящий отряд варты. Обманутая красивой униформой, гетманская стража позволила приблизиться на тридцать метров, тогда Махно поднялся на своей тачанке и приказал им сложить оружие; они попытались было спохватиться, но очередь из максима, выпущенная над их головами, принудила их повиноваться.

Нестор допросил их, выдав себя за капитана, специально посланного гетманом для выявления революционеров в районе. Проникнувшись доверием, командир отряда варты дал ему все сведения об австро-немецких силах в районе их расположении и их боевых средствах; он похвастался, между прочим, своими личными подвигами в репрессиях против непокорных крестьян региона.

Не выдержав больше, Махно сказал ему тогда, кто он есть на самом деле, гетманская стража застыла, разинув рот. Затем они упали перед ним на колени, моля о пощаде и, пытаясь подкупить его большими суммами. Не имея доказательств их преступлений, Махно решил просто их связать и оставить спрятанными на обочине дороги, пока их не найдут пастухи или пока они не освободятся сами. Это было сделано для того, чтобы они слишком рано не выдали его присутствия. В этом проявилась одна из характерных черт его личности: вне боя он всегда испытывал отвращение к кровопролитию и только в самом крайнем случае, вынужденный жестокостью врагов, он шел на эти поступки. Но солдаты варты, полные недоверия, бросились бежать со всех ног. Тогда махновцам пришлось их застрелить. Недалеко от этого места они встретили одного из руководителей местной полиции, который потребовал ему объяснить, что значили прозвучавшие выстрелы. Когда он стал настойчиво ссылаться на власть гетмана, Махно повесил его на самом высоком кресте соседнего кладбища, нацепив ему табличку с надписью: «Надо бороться за освобождение трудящихся, а не за палачей и угнетателей!».

Этот эпизод может служить архетипом для всех последующих: Махно и его товарищи часто переодевались в форму регулярной армии и, пользуясь эффектом неожиданности от этой хитрости, разоружали и карали своих врагов.

Следующей ночью, продолжая продвижение на лошадях, отряд Махно, благодаря переодеванию в униформу противника, прошел без неприятностей села, расположенные на дороге, ведущей в Гуляй-Поле. Туда они прибыли на рассвете, чуть не оказавшись в самый последний момент в самой гуще многочисленных немецких войск, едва успев ускользнуть, они остановились в соседнем лесу. Там они встретили пастухов, которые рассказали, что немецкие власти и их местные сообщники распространяют повсюду слух, что Махно якобы, ограбив гуляйпольских крестьян, сбежал в Москву; он якобы там купил шикарный дом и живет на широкую ногу. Ему показали даже листовку, написанную об этом на русском и украинском языке. Чем больше ложь, тем она лучше, говорят себе часто профессиональные лжецы, именно здесь было начало «слуха» о Махно, который раздувался по мере того, как набирала размах борьба махновцев.

Вскоре в Марфополе, соседнем с Гуляй-Подем селе, Махно и его группа столкнулись с австрийским отрядом, который сопровождала группа гетманских милиционеров. Махно обманул их, начав бежать из села, но только чтобы заставить своих преследователей открыться и затем расстрелял их из пулемета, среди оставшихся в живых из вражеской группы был начальник полиции Гуляй-Поля, особо отличившийся в репрессиях против крестьян, его немедленно казнили. В числе других пленных были два украинца из Галиции, насильно мобилизованные в австрийскую армию. Махно им продиктовал письмо для перевода на немецкий язык и распространения среди солдат. Он предлагал им не подчиняться офицерам, прекратить участие в репрессиях против украинских трудящихся, вернуться к себе и осуществить свою собственную революцию. Если они будут продолжать идти за офицерами, они узнают на себе месть повстанцев, которые будут считать их также палачами крестьян. Махно отпустил солдат с этим посланием, потом, – поскольку его доверие было все же не полным – он вначале двинулся со своей группой в определенном направлении и когда они были уже вне видимости, повернул в сторону и остановился в ближайшем селе, Шанжоровке, расположенном в 17 км от Гуляй-Поля.

На другой день, австро-немцы провели серьезные репрессии против крестьян Марфополя. Через день, воспользовавшись отсутствием основных сил противника, Махно вошел в Гуляй-Поле, разослал почти всех своих людей по району, дав им задание поднимать крестьян, а сам остался в селе только с семьей человеками. На следующий вечер на местное собрание пришло четыреста жителей. На нем обсуждалось, как лучше начать восстание, куда и как его ориентировать, как захватить основные силы противника и разоружить всех оккупантов. Весь этот план был принят следующей ночью. Тем временем, Махно написал две прокламации, предназначенные для распространения, как только Гуляй-Поле будет под полным контролем восставших.

Как было предусмотрено, следующей ночью махновцы овладели всей местностью с большой легкостью и без потерь со своей стороны. Они взяли под свой контроль почту, телефонную станцию, вокзал и въезды в село. Два воззвания Махно были отпечатаны соответственно 7000 и 20 000 экземпляров и быстро распространены; за ними последовали восстания по

всему району. Немедленно был создан революционный комитет и по всей Украине разослана телеграмма Махно:

«Всем! Всем! Всем! Революционный комитет Гуляйпольского района сообщает о взятии повстанцами Гуляй-Поля, в котором восстановлена власть советов. Мы объявляем всеобщее восстание рабочих и крестьян против палачей и душителей украинской революции, австро-немцев и гетманских гайдамак.» Австро-немцы опомнились через несколько дней и сгруппировали значительные силы вокруг Гуляй-Поля. Махно и его товарищи решили не окапываться здесь, а уйти, создав впечатление, что население им повиновалось, но не поддерживало, чтобы избежать репрессий в отместку, как это случилось в Марфополе. Вот почему местный сход состоялся ночью и собрались только самые надежные жители, чтобы не было возможных доносов в случае поражения восстания. Махно вел дело умно и осторожно, но не без трудностей, поскольку его предложения каждый раз оспаривались другими членами группы, которые составили в каком то смысле первый штаб движения. Факты, однако, неоднократно подтверждали правоту Нестора, поэтому его товарищи следуют все более точно его директивам. В этом проявились его замечательные качества руководителя, которые постоянно будут утверждаться.

29 сентября, войска противника предприняли атаку со всех сторон, повстанцы ее отбили, потом, ближе к вечеру, когда стала явной угроза окружения, отступили в направлении Мариуполя, порта на Азовском море.

По дороге, используя ночное время и неожиданность своего появления, они обезоружили несколько помещиков и их охрану, поменяли лошадей и захватили пулемет. Как это имело место раньше, они двинулись в ложном направлении, чтобы обмануть возможных преследователей и остановились в селе Больше-Михайловка (или Дибривка), на окраине которого простирался Дибривский лес, находящийся в 36 км от Гуляй-Поля. На следующий день они встретили отряд из шестидесяти человек Федора Щуся, матроса-анархиста, который принимал участие в Таганрогской конференции и с тех пор вел жестокую борьбу против оккупантов. Щусь довольствовался тем, что преследовал, впрочем, успешно, оккупационные войска, помещичьи карательные отряды и отряды Варты. Махно предложил ему присоединиться к восстанию, чтобы вести открытую, а не партизанскую, борьбу. Объединение состоялось. В селе состоялся совместный митинг, Махно на нем произнес большую речь, испугавшую его друзей, так как он призвал бороться против всех врагов, настоящих и будущих, а именно русских белогвардейцев, начавших занимать область. Население приняло его предложение и к концу второго дня набралось уже около 1500 добровольцев, из которых только четверть была вооружена.

Поверив ошибочным сведениям, повстанцы не приняли достаточных мер предосторожности, считая, что противника поблизости нет. Поэтому, когда ночью их неожиданно атаковали, Махно, не зная точного числа нападавших, приказал отходить. Многие повстанцы не успели присоединиться к нему и остались заблокированными в Дибривке, а отход к лесу маленькой группе убежавших был отрезан засадой. Здесь Махно показал свой исключительный военный талант: хотя он никогда не был солдатом, он приказал своим людям двигаться под прямым углом, обошел вражеские позиции и обеспечил выход в лес. Щусь предложил отойти в неприступный блиндаж, который он себе оборудовал в лесу, и там подождать, пока

противник уйдет из района, чтобы уберечь раненных и избежать репрессий в селе.

Махно настоял, что вначале нужно разведать количество войск неприятеля. Действительно, они оказались значительно превосходящими по числу и снаряжению. Несмотря на это, Махно предложил атаковать. Щусь долго возрожал, считая безумием атаковать настолько превосходящие силы. Махно произнес еще одну речь, которая зажгла всех присутствующих – в этой ситуации дибривские крестьяне поверили ему, согласились идти за ним, и дали ему этот титул «Батько»: «Отныне ты наш украинский Батько, и мы умрем вместе с тобою. Веди нас в село против врага!»<sup>542</sup>.

В своих воспоминаниях Махно замечает, что ему надо было действительно быть революционером анархистом, чтобы не уронить эту честь, оказанную со всей наивностью массой трудящихся крестьян, веривших ему. Он оправдывает это доверие следующим комментарием: «Кажется, я таковым был. Кажется, все мои действия подтверждают это...»<sup>553</sup>.

Ночью 30 сентября 1918 г. повстанцы совершили первый свой боевой подвиг. Действительно, Щусь, Махно, Семен Каретник, Марченко, Лютый и Петренко, местный повстанец с большим будущим, отобрали самых отважных и решительных партизан. Разделились на две группы: одна – из людей Щуся, вооруженных пулеметом «Максим», другая – под личным командованием Нестора, снабженную ручным пулеметом «Люис» – всего около тридцати человек, которые атаковали австрийский батальон регулярной армии – около пятисот солдат, сотню хорошо вооруженных кулаков и восемьдесят гетманских вартовых, то есть это был бой одного против двадцати!

Противник стоял лагерем на площади перед сельской церковью, ожидая подкреплений, чтобы выйти на рассвете преследовать повстанцев в лесу. Хорошо осведомленные о расположении неприятеля, Махно и его товарищи пробрались к центру села. Перед атакой, ожидая пока Щусь займет позицию, Нестор обратился к друзьям-повстанцам: «Ну, мы в руках смерти. Кто из нас окажется наиболее отважным, того она не возьмет, тот с нею в силах еще сразиться. Будем же, друзья, безумно отважными, этого требует наше дело!»<sup>564</sup>.

Однако атака чуть было не сорвалась: местная любовница начальника Варты решила любой ценой сообщить своим о повстанцах и только в последний момент, предупрежденные местной крестьянкой, они сумели перехватить предательницу.

По условленному сигналу, как договорились со Щусем, Махно открыл плотный и прицельный огонь, сея панику среди солдат, которые, сложив оружие, спокойно отдыхали, совершенно не подозревая о неожиданной атаке.

Чтобы усугубить замешательство врага, Махно бросился в атаку. Солдаты противника и гетманские вартовые пустились в бегство один перед другим по примеру собственных командиров, в то время как дибривские крестьяне, вооруженные вилами, дубинами и топорами, их преследовали, усиливая панику. Махно с большим трудом удалось освободить двадцать пять австрийских солдат из рук крестьян, готовых устроить самосуд. Трофеи были большими: 4 пулемета, две повозки с амуницией и 80 пленных, главным образом, простые

солдаты и гетманские вартовые, их командиры убежали или были убиты во время боя.

Гетманских вартовых и членов помещичьего отряда расстреляли на месте, так как, несмотря на предупреждение, они продолжали активно участвовать в репрессиях. Что касается австрийских солдат, их покормили, потом отпустили, взяв обещание никогда больше не сражаться с революционными крестьянами; им дали провизии и по бутылке водки, но забрали фуражки – жест символически обозначающий демилитаризацию.

Начиная с этого дня, по отношению к Нестору все его товарищи проявляют большую любовь и полное доверие к его боевой тактике и стратегии. Его слава, усиленная рассказами о его ратных подвигах, непрестанно возрастала. Теперь его называли «Батько Махно», народным мстителем; так случилось, несмотря на его сдержанность вначале, затем с его согласия, когда он заметил, что служит объединяющим центром. Вскоре ему представился случай осуществить эту народную месть во время инцидента, который остался самым известным из всех. Возле села Михайлово-Лукашево был уничтожен отряд повстанцев и несколько десятков пленных жестоко избиты и повешены. В этой карательной операции особо отличился капитан Варты Мазухин. Однажды вечером, разорив вражески настроенную немецкую колонию, Махно с отрядом встретили этого самого Мазухина в сопровождении небольшого эскорта. Как обычно, Махно чтобы опередить, крикнул властно: «Стой! Кто такие? Откуда идете?» В ответ послышалось: «Кто командир отряда? Я штабс-капитан Мазухин, командир варты александровского уезда». В этот момент повстанцы его окружили и взяли в плен. Грозный каратель напрасно умолял их о пощаде. Из найденного при нем письма, повстанцы поняли, что он ехал на вечер, организованный местным помещиком Миргородским. Махно и Щусь переоделись в форму Мазухина и его адъютанта, потом явились вместо них в укрепленное имение Миргородского. Их встретили возгласами: «Ура русским офицерам!» Компания собралась самая высокая: генерал в отставке, полковник, трое австрийских офицеров и два окрестных помещика, а также дамы, сопровождавшие этих господ.

Собравшиеся подняли тосты в честь хозяина дома, за возрождение России, господ и за освобождение русской церкви от анархистов; когда был поднят новый тост за успех охоты на Махно, он достает из кармана бомбу и бросает ее в сторону гостей, крикнув им, кто он на самом деле, потом вместе со Щусем они выскакивают наружу! Похолодев от ужаса, пирующие не успели убежать и погибли от взрыва. Следует сказать, что борьба с обеих сторон была беспощадной: за весь этот период немецко-австрийской оккупации Украины около 80 000 крестьян заплатили жизнью за свое сопротивление угнетателям.

В этой атмосфере главную роль в рождении движения сыграл один драматический факт, а именно, репрессии, проведенные австро-немцами и местными кулаками (особенно немецкими колонистами) против села Дибровка. Они сожгли 608 хат, били, пытали, убивали крестьян, насиловали женщин. Все эти действия вызвали глубокое возмущение крестьян района. Махно и его отряд служили временной гражданской силой для мести, и на этот раз они разорили кулацкие гнезда и немецкие колонии, члены которых участвовали в репрессиях, без жалости.

Но и здесь Махно имел возможность показать свой тактический ум: он выступил против систематического уничтожения всех помещиков и буржуев региона, он хотел не слепой жакерии, а социальной войны, которая велась бы разборчиво. Он предпочитал бить привилегированных по их богатству, по крайней мере, когда за ними не числилось преступлений, и предлагал им значительные контрибуции деньгами, оружием и снаряжением. Он стремился также раздуть как можно сильнее социальный пожар во всем регионе. Медленная и терпеливая подготовка, которая велась неделями, принесла плоды: повсюду в районе создавались повстанческие отряды, терзавшие оккупантов и их союзников.

Эта большая игра в кошки-мышки будет продолжаться несколько недель и сталкивать по очереди в каждой из ролей повстанцев и их врагов: тогда как вторые их преследуют, первые появляются вдруг в их тылу и уничтожают отдельные подразделения.

Заметим, что Нестор прошел хорошую школу с Александром Семенютой, когда они совершали отважные террористические акты, но, кроме того, он проявил большой организационный и военный талант. Он методичен до маниакальности, предосторожность без которой, он, разумеется, не выжил бы в сотнях боев и не сохранил бы центральное ядро движения. Когда Махно занимал какую-нибудь местность, он немедленно выставлял аванпосты по всем направлениям, днем и ночью, что ему позволяло никогда не быть застигнутым врасплох и иметь возможность реагировать по своему усмотрению, в зависимости от численности противника сражаться или уйти. Затем он запутывал противника, меняя часто направления движения; он передвигался преимущественно по местам, где ни одна деталь топографии ему не была неизвестной, и старался быть постоянно информированным о передвижении противника. Наконец, он непрестанно зажигал крестьян своими сильными, бурными и пламенными речами против угнетателей, до такой степени, что скоро они стали видеть в нем своего единственного защитника. Именно за это все любили называть его «Батько» и рассказывать обо всех его подвигах. К этим талантам Махно добавлялись еще качества редкого хладнокровия и присутствия духа: он никогда не терял голову, мгновенно оценивал ситуацию и находил наилучшее из возможных решений, что позволяло ему неоднократно выходить из отчаянных ситуаций.

Тем не менее, вначале он не всегда демонстрировал подобное самообладание, однажды его небрежность имела даже катастрофические последствия для отряда. Расположившись лагерем 15 ноября 1918 г. в селе Темировка, повстанцы перехватили подозрительного человека, некого Цапко, местного кулака. Он, хоть и был известен как шпион оккупантов, объяснил, что пришел попросить разрешения проехать на рассвете селом для свадебного кортежа своих родственников. Вопреки мнению своих товарищей, Махно отпустил Цапко, отказавшись уйти из этого места и не приняв никаких мер предосторожности. Через полчаса лагерь был атакован отрядом венгров, хорошо проинформированных благодаря Цапко о расположении повстанцев. Начался переполох. Махно отреагировал мгновенно. Он установил ручной пулемет «Люис» на плече у Пети Лютого и начал поливать огнем наступающих, остановив их продвижение. Марченко с группой всадников попытался контратаковать, но безуспешно, так как понес тяжелые потери. Повстанцы отступили и оказались на открытой местности, венгерские стрелки этим воспользовались и начали их расстреливать по одному прицельным огнем. Щусь был ранен пулей в обе ноги. Прижатые

на месте огнем венгров, повстанцы теряли людей. На какой-то момент Подгорный, один из повстанцев с пулеметом и пятнадцатью партизанами попытался спасти ситуацию, атаковав нападающих сзади. К венграм подошло подкрепление, и положение Махно и его товарищей, к тому же с ранеными на руках, которых они не хотели ни в коем случае оставлять, стало отчаянным. Семен Каретник тоже был ранен. Из десяти человек, окружавших Махно, осталось вскоре двое, один из которых, потеряв контроль над своими нервами, застрелился. Махно без оружия бросился, чтобы поднять пистолет покончившего с собой и вдруг увидел, что окружен многими силуэтами, которые показались ему врагами; чтобы не дать себя схватить он тоже готовился пустить пулю в лоб, когда заметил, что на самом деле это были его товарищи, пришедшие на помощь: Лютый, Марченко, Петр Петренко. Они его спасли, унося бегом на двух скрещенных винтовках. Уже в укрытии он обнаружил, что ранен в руку, что верх его шинели и папахи пробит пулями во многих местах. Отряду удалось уйти, но потери были драматичны – более половины из 350 бойцов, хотя потери венгров были такими же значительными. Это стало суровым уроком, с этого момента ничто не будет оставлено на волю случая, и Махно будет остерегаться подозрительных. Несмотря на такую серьезную неудачу, повстанцы продолжали опустошать укрепленные хутора немецких колонистов и местных кулаков и помещиков; не без потерь, так как те были многочисленны в этом черноземном краю и располагали хорошим вооружением. Тем не менее, повстанцы стали теперь опытными и были более сильно мотивированными: на протяжении нескольких недель все окрестности Гуляй-Поля были очищены от опорных пунктов подразделений и карательных отрядов немцев, австро-венгров, немецких колонистов и гетманской Варты.

Все Левобережье было охвачено огнем, общее восстание распространялось как пламя на ветру. К концу октября 1918 г. этот первый фронт твердо установился в районе Александровска и центром его стало Гуляй-Поле. Махно отправил тогда телеграмму немецкому штабу в Александровске: он требовал освобождения заключенных в тюрьму членов гуляйпольской анархистской группы и возлагал ответственность за их безопасность на немецкие власти. Эта угроза заставила призадуматься: ответ немецкого коменданта Александровска был уступчивым и гарантировал жизнь заключенным. Повстанческое движение стало полноправной и сдерживающей в переговорах стороной. Делегаты всех повстанческих отрядов района собрались на чрезвычайную конференцию. Махно на ней спокойно предложил создать четыре фронта: против гетмана, немцев и австро-венгров, против донских казаков, атамана Краснова, против белогвардейских отрядов полковника Дроздова, которые «бороздили» степи Бердянского района, против белого генерала Тилло и отрядов немецких колонистов, прибывших из Крыма для «пацификации» района.

Его товарищи сочли это предложение бессмысленным, поскольку не надеялись собрать достаточные силы, чтобы держать общий фронт такой протяженности. Махно им возразил, что теперь следует перейти к высшей стадии борьбы и с этой целью, преобразовать отряды в смешанные батальоны состоящие из кавалерии, пехоты на тачанках, оборудованных пулеметами и артиллерийского взвода. Кроме того, он хотел воспользоваться страхом, который повстанцы внушали своим врагам и соответственно усилить решительность крестьян района. Ему удалось переубедить присутствующих, были избраны командиры фронтовых участков: Петр Петренко на участок простиравшийся от Чаплино до Гришино, младший Тихоненко и матрос Красовский, на участок от Полог до Цареконстантиновки. Третий, в районе Орехово, был сформирован под командованием Батьки Правды, боевого

безногого анархиста. Эти командиры получили от собрания следующие указания: «Боеучастковые командиры в своей инициативе по стягиванию повстанческих отрядов в известной местности в одну боевую группу и по введению в ней революционной дисциплины – самостоятельны. Они вводят и закрепляют в жизни группы эти организационные начала, с согласия повстанческой массы данной группы. В оперативном отношении они целиком подчиняются главному Штабу Повстанческих войск имени Батько Махно и самому Батьке непосредственно»<sup>575</sup>.

Такое федеративное устройство позволяло единство действия, необходимое для широкомасштабных операций. Махно совмещал, таким образом, функции главнокомандующего, начальника основного штаба, в который входили два его помощника – Щусь и Петя Лютый, а также Семен Каретник и Алексей Марченко. Кроме того, была создана служба разведки, состоявшая главным образом из крестьян-добровольцев, в задачи которой входило постоянно информировать штаб обо всех передвижениях и расположении противника.

Однако дистанция между намерениями и реальностью была еще большей, и повстанцам предстояло пройти еще через многие бои, с разным исходом, против своих врагов. Махно, штаб движения и его охрана еле избежали даже уничтожения во время столкновения под Синельниково. Они были окружены немецкими и австрийскими войсками, понесли тяжелые потери и были чудом спасены в последний момент благодаря подоспевшим отрядам партизан, призванным на помощь местным населением.

Среди подкреплений отличился ульяновский отряд в 250 человек, состоявший поголовно из крестьян бывших солдат, который под градом пуль, обратил противника в бегство и преследовал его на протяжении более десяти километров.

Постепенно Махно и его главному отряду удалось реорганизовать все местные группы и перекрыть подходы и выходы из района, перерезав путь немецким поездам.

20 ноября 1918 г., во время обычной проверки поезда, Махно и младший брат Семена Каретника, Пантелей, допустили серьезную оплошность: они не поставили, как обычно, подрывников впереди поезда и заставы до и после контрольного пункта. А речь шла о бронепоезде, находившемся в руках у белогвардейцев; они открыли адский огонь по Махно и его товарищам, потом им удалось удрать. Многие отборные патрульные из отряда Махно погибли, бывшие опытные пограничники были убиты. Увидев скорбь повстанцев, белые подумали, что они убили Махно. Весть о его смерти немедленно распространилась по всему краю, к большому ликованию австро-немцев и помещиков. Белые офицеры, командовавшие рейдом, получили награды в Александровске, и местные газеты писали о них, как о героях. Прошел слух, что махновцы бегут отовсюду; помещики и их охрана, прятавшиеся в городе, начали возвращаться в свои имения.

А Махно продолжил с еще большей силой свои рейды и пообещал лично опровергнуть слух о своей кончине. В случае сопротивления помещики и кулаки уничтожались, а если сопротивления не было, повстанцы удовлетворялись отбиранием оружия, коней и снаряжения, которое могло быть ими использовано.

Тем временем в Киеве вследствие переворота был свергнут гетман Скоропадский, и власть перешла в руки нового украинского национального правительства, именовавшегося Директорией; во главе ее стоял Симон Петлюра, отсюда название петлюровцы для тех, кто ее поддерживал.

Это новое правительство заявило о своей независимости от немцев и австрийцев, которые, к тому же, не имели причины продолжать военные действия после Перемирия 11 ноября 1918 г., заключенного с западными странами. Новые власти освободили всех политзаключенных; таким образом, гуляйпольские анархисты вернулись домой. Среди них были Савва Махно, Александр Калашников, Филипп Крат.

Установился период присматривания друг к другу; на протяжении нескольких недель в соотношениях с Директорией была передышка. Директория была заинтересована в том, чтобы щадить повстанцев, так как она надеялась на возможность использовать их в своих националистских целях, хотя в то же время она поддерживала самые лучшие отношения с русскими белогвардейцами и способствовала созданию полков, которые должны были присоединиться к генералу Деникину.

Немногим более чем за два с половиной месяца Махно и его товарищам анархистам удалось освободить большую часть восточной Украины из-под власти оккупационных немецких и австро-венгерских войск и их местных союзников. Маленький отряд из дюжины бойцов, вышедший 22 сентября 1918 г. из Терновки по направлению к Гуляй-Полю, превратился в повстанческую армию, удерживавшую несколько фронтов, связанных между собой центральным штабом. С тех пор Махно и его товарищи приобрели боевой опыт, правда, ценой тяжелых потерь. Они отлично овладели стратегией и тактикой партизанской войны, они сами выбирают место боевых действий, появляются всегда в том месте, где их меньше всего ждут. Они знают, как заминировать и захватить бронепоезд или укрепленный хутор. Они знают также, что должны рассчитывать, прежде всего, на себя в защите собственных интересов и собственной свободы.

Их враги также стали другими: теперь это не самоуверенные оккупанты, а деморализованные поражением на западе солдаты и которые думают только о том, как наиболее мирно вернуться на родину. На горизонте появился более опасный враг: офицерские полки и казаческие войска под командованием генерала Деникина.

---

Версия #1

██████████ ██████████ создал 18 апреля 2025 22:58:47

██████████ ██████████ обновил 18 апреля 2025 23:00:18